

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Влияние стихотворных образов и мотивов.....	4
1. Образ колокольчика.....	6
2. Образ березы.....	9
3. Мотив зимы и снега.....	12
4. Образ звезд.....	20
5. Восток.....	32
Глава 2. Влияние литературных течений.....	39
2.1. Влияние символизма.....	39
2.2. Влияние акмеизма.....	44
2.3. Влияние имажинизма.....	47
2.4. Влияние футуризма.....	50
Заключение	53
Библиография.....	58

Введение

В русской литературе особое место уделено поэзии. Многие авторы могли стать образцом для подражания последователям. При этом непременно менялся язык – подвижный социокультурный феномен, на который оказывали влияние как исторически сложившиеся традиции, так и современность.

Актуальность темы обусловлена преемственностью в творчестве многих авторов.

Объект исследования – русская поэзия XIX-XX века.

Предметом исследования являются стихотворения русских авторов.

Цель работы: определить, какие из русских авторов в значительной мере повлияли на творчество Аврома Суцкевера.

Гипотеза: Авром Суцкевер, являясь поэтом, писавшим на языке идиш, так или иначе, заимствовал мотивы, характерные для русских поэтов.

Целью и гипотезой определены **задачи:**

- Проанализировать стихотворения и выявить схожесть
- Выделить общие мотивы и темы в творчестве

В работе использованы **методы:**

- анализ лингвистической составляющей стихотворений
- сравнение с похожими произведениями других авторов

При написании данной дипломной работы были использованы стихи Я. Полонского, А. Фета, А.С. Пушкина, К. Случевского, Г. Иванова, С. Есенина, Б. Пастернака и других авторов, а также труды Корнея Чуковского, Г.О. Винокура, А. Белого, статья В.Дымшица.

Глава 1. Влияние стихотворных образов и мотивов

Для того чтобы понимать, могла ли русская поэзия в полной мере повлиять на творчество поэта, необходимо обратиться к краткой биографической справке.

Авром Суцкевер, величайший поэт, писавший на идише, родился в 1913 г. в Сморгони.

В начале XX века население Сморгони, которое в то время составляло около 16 тысяч человек, было более чем на три четверти еврейским. К 1918 году, в результате боевых действий во время Первой мировой войны, город оказался разрушен.

Скорее всего, по этой причине семья Суцкеверов переместилась в Омск. С 1920 г. семья проживала в Вильно. Авром получил образование в хедере, позже обучался в Виленском университете.

Таким образом, если не считать короткого периода жизни в раннем детстве в Сибири, как культурная личность Авром Суцкевер сформировался вне России.

Началом творческого пути можно считать 1927 г. Казалось бы, в таких обстоятельствах влияние русской культуры не должно было оказать существенного влияния на творчество поэта. Но, видимо, как хорошо образованный человек, интересовавшийся литературой, Авром Суцкевер не мог не знать, хотя бы поверхностно, русскую поэзию, как классическую, так и новую. Тем более что феномен «Серебряного века» еще не был забыт, живы были многие его представители, такие как Анна Ахматова, Борис Пастернак, Владислав Ходасевич, Иван Бунин, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Марина Цветаева и многие другие. Также в Польше в двадцатых – тридцатых годах XX века жило большое число русских - бывших подданных Российской империи, по воле судьбы оказавшихся в чужой стране. До начала трагических

событий новой войны Авром Суцкевер наверняка, так или иначе, соприкасался с творчеством русских поэтов.

Во время второй мировой войны Суцкевер оказался под арестом. Чудом избежав гибели, в 1943 г. накануне уничтожения Виленского гетто, Суцкевер с женой Фрейдке примкнули к отряду сопротивления. При помощи Ильи Эренбурга уже в марте 1944 г. они попали в Москву. Эренбург еще до войны слышал о таланте Суцкевера от польского поэта Тувима и не забыл о нем. Являясь участником Антифашистского еврейского комитета, Суцкевер находился в столице СССР с марта 1944 вплоть до середины 1946 года. В это время он знакомится и общается Павлом Антокольским, и, вероятно, с Михаилом Светловым, и Марией Петровых, т.к. они занимались переводами, и, возможно, с другими советскими литераторами. Зная переменчивость настроений властей и напряженный политический момент, встречи с политэмигрантом, на правах которого жил тогда в Москве Суцкевер, не афишировались.

В воспоминаниях Суцкевера почти нет описаний впечатлений о советских писателях и поэтах. В работе Антифашистского еврейского комитета, где он был занят, было больше политики и пропаганды, чем литературы.

Более-менее подробно он вспоминает об Эренбурге, который, всё же, больше был публицистом. Тем не менее, Суцкевер считал Эренбурга очень интересным писателем и, кроме того, был крайне благодарен ему за всё, что тот для него сделал. Позже Суцкевер перевел «Стихи о войне» Эренбурга.

Видимо, большое впечатление на поэта произвели несколько встреч с Борисом Пастернаком. Суцкевер написал об этом стихотворение, которое он считал одним из своих лучших. [1]

Пастернак был ярчайшим творцом серебряного века, и высокая оценка, данная им стихам Суцкевера, была очень важна для поэта. Суцкевер был

уверен, что Пастернак перевел одно из его стихотворений, хотя в архивах Бориса Леонидовича этот перевод не был найден.

Суцкевер в более поздних разговорах с литераторами вспоминает и других поэтов, в частности Ахматову, и её конкретные стихи, что свидетельствует о том, что он знал её творчество.

Если проанализировать тексты и ритмику Суцкевера, можно обратить внимание на ряд моментов, указывающих на то, что влияние русской культуры в них присутствует.

В русской поэзии XIX-XX века есть ряд сквозных тем и мотивов, которые видны и в творчестве Аврома Суцкевера, что может указывать на косвенное влияние.

В его стихах часто присутствуют образы, типичные для русской поэзии.

1. **Образ колокольчика.**

В русской поэзии часто используется этот образ:

«Погружай меня в сон, колокольчика звон!

Выноси меня, тройка усталых коней!» [2]

«Ночь нема, как дух бесплотный,

Теплый воздух онемел;

Но как будто мимолетный

Колокольчик прозвенел.» [3]

«По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит,

Колокольчик однозвучный Утомительно гремит.» [4]

«Разбили колокол, разбили! Сгребли валдайцы медный сор

И колокольчики отлили, И отливают до сих пор.» [5]

«Наконец-то повеяла мне золотая свобода,

Воздух, полный осеннего солнца, и ветра, и меда.

Шелестят вековые деревья пустынного сада,

И звенят колокольчики мимо идущего стада,

И молочный туман проползает по низкой долине...

Этот вечер, однажды, уже пламенел в Палестине.

Так же небо синело и травы дымились сырые

В час, когда пробиралась с младенцем в Египет Мария.

Смуглый детский румянец, и ослик, и кисть винограда...

Колокольчики мимо идущего звякали стада.

И на солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив,

Любовался, глаза прикрывая ладонью, Иосиф.» [6]

И у Суцкевера видим мы во многих стихах тот же образ.

Колокольчики тоже звенят, как в вышеприведённых стихах.

«...Колокольцы на саях звенят...» [7]

«...tsoyber-shlitns klingen in a krayz...» [7.2]

«...Колокольцами звенит-рыдает

Жизнь моя протяжно в глубине...» [8]

«vi a shlitn in farbenktn klingen

gleklt do maynlebn din un lang...» [8.2]

Также образ колокольчика используется в качестве метафоры.

«...Льдинка — колокольчик настоящий,

Тронь и ты услышишь: в тот же миг...» [9]

«...Душа колокольчиком — «жить!» — разразится...» [10]

Здесь мы видим олицетворение, похожее на строки Н. Гумилёва

«... И вот мне приснилось, что сердце моё не болит,

Оно колокольчик фарфоровый ...»[75]

2. **Образ берёзы.**

Другой образ, неотделимый от русской поэзии, - это берёза.

«...Белая берёза. Под моим окном.

Принакрылась снегом, Точно серебром.

На пушистых ветках. Снежною каймой.

Распустились кисти. Белой бахромой....» [11]

«...Печальная берёза

У моего окна,

И прихотью мороза

Разубрана она....» [12]

«...Мне жалко ее, виноватую,

Как птицу подбитую,

Березу подрытую,

Над участью, Богом заклую...» [13]

«...Много тут было печальных картин: Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы. Градом лилися прощальные слезы.

И пропадали...» [14]

«... Береза в лесу без вершины - Хозяйка без мужа в дому...» [15]

«...И берёзы в белом плачут по лесам. Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?...» [16]

«...Отговорила роща золотая.

Березовым, веселым языком,

И журавли, печально пролетая,

Уж не жалеют больше ни о ком...» [17]

«...Ты теперь не так уж будешь биться,

Сердце, тронутое холодком,

И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком...» [18]

Березы в стихах Суцкевера:

«...Пробует замерзший блеск березы

И грызет, как дети — сахарок...» [19]

«...Стужи все соседи испугались,

Лишь березки зябнут у плетней...» [20]

Здесь мы видим олицетворение, как в ранее приведённых стихах [16],
[17].

«...Кто там надел и никак не расстанется с платьем березы?...» [21]

Здесь «платье берёзы» сшито из материи стихотворения [18].

«...Я — и береза, и слезное зеркало, я — и лавина,

Эхо безмолвия, круг, ты — внутри, ты его середина...» [22]

Чаще всего в русской поэзии, конечно, этот образ можно найти у певца «страны берёзового ситца» Сергея Есенина. Стилистически и ритмически приведенные выше фрагменты схожи с его стихотворениями.

За томик стихов Есенина в сталинское время можно было получить тюремный срок, но, приняв во внимание народную любовь и огромную популярность поэта, скорее всего, Суцкевер знал его творчество.

Некоторые образные сравнения в его стихах похожи на есенинские.

Например, в стихотворении «В сибирском лесу»:

«...Солнце взапуски со мной, как лайка,
Кувырком бежит среди снегов...» [9]

И там же:

«...По степи, что спит в снегу медведем,
Сквозь мережи солнца, нежный звон
Снега под копытами — мы едем.
Льдышки палых звезд — со всех сторон...» [9]

И у Есенина сравнение явлений природы с животными

«...В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,...»[23]

Или:

«...На санях из леса ненароком

Мы на хутор привезли луну!...» [9]

И

«...Нынче с воды луну

Лошади выпили...» [24]

А также:

«...Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов...» [25]

3. Мотив зимы и снега

Зима и снег в русской поэзии, пожалуй, наиболее любимых образов

«...Снег идет, снег идет.

К белым звездочкам в буране

Тянутся цветы герани

За оконный переплет...» [26]

«...Но люблю ослабелый

От заоблачных нег -

То сверкающе белый,

То сиреневый снег...» [27]

«...Глубокий снег лежит у нас в горах.

Река в долине бег остановила.

Вся белая, слилась со снегом вилла.

И мы одни идём в своих снегах...» [28]

«...За стеклом окна - стекло

Неба.

Улицу заволокло

Снегом.

Только этот лёгкий снег

Не зимний.

И откуда этот снег,

Скажи мне?

Тополевый ль это пух

Размётан?...» [29]

«...Светло-пушистая,

Снежинка белая,

Какая чистая,

Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.
Лазурь чудесную...» [30]

«...Не о любви прошу, не о весне пою,
Но только ты одна послушай песнь мою.
И разве мог бы я, о, посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума...» [31]

«...Так ярко звёзд горит узор,
Так ясно Млечный Путь струится,
Что занесённый снегом двор
Весь и блестит и фосфорится.
Свет серебристо-голубой,
Свет от созвездий Ориона...» [32]

Суцкевер тоже использует эту тему во многих стихах.

Например, в уже упомянутом стихотворении о Пастернаке.

«О Пастернаке, кстати, вот: на челке кучерявой

Московский первый снег. На шее красный шарфик.
Вошел как Пушкин... Что-то он, похоже, понимает.
А снег не тает.
Его рука в моей руке. Он пальцы, будто ключик,
Мне отдает. В его глазах, напротив, — сила
И страх: «Читайте дальше. Мне слов, мне отзвуков хватает».
А снег не тает.
И я читаю угольки, спасенные из ада:
«А реге из гефалнви а штерн». Ему тут непонятно
А реге. Он остановить его не успевает.
А снег не тает.
В его зрачках блестящих, черно-мраморных и влажных
«Мгновенье падает звездой» и русского поэта
Звездой желтой на мгновенье награждает.
А снег не тает.» [1]

Возможно, потому что снег пришёл в русскую поэзию из народных тем, многие стихотворения написаны хореем, в большинстве стихотворений Суцкевера используются аналогичный размер.

«...Синий снег дороги, свет заката,
Сладостные краски полусна.
Снегом от заката скрыта хата,

Теплится в долине, чуть видна...» [7]

Снег здесь не белый, а цветной, как в вышеприведённых строках [27],
[32].

«...Белое лицо отец склоняет,

На запястьях — снега тишина...» [7]

«...Все, что до меня, тысячелетья

Из-под снега шепчут мне: входи!...» [33]

«...Где порой вечерней, под луною,

Что уткнулась носом в зеркала

Льда и снега, взмыли надо мною

Два крыла...» [8]

«...Снега степь наелась до отвала,

Солнца мех уже багряным стал...» [34]

«...Солнце взапуски со мной, как лайка,

Кувырком бежит среди снегов.

Говорит отец: «Сынок, давай-ка

Съездим в лес, насобираем дров».

Мы лошадку запрягаем в сани

Сребрую. Слепит глаза топор.

Солнце-нож свежует полосами

День. Искрится пар. Во весь опор

По степи, что спит в снегу медведем,

Сквозь мережи солнца, нежный звон

Снега под копытами — мы едем.

Льдышки палых звезд — со всех сторон...» [9]

«...Улыбнись мне с облачного трона,

Льдом согрей тоску, а снегом — грусть...» [35]

"...Талые снега поют, прощаясь,..." [19]

«...Жив ли ты еще, мой друг Чангури,

Или стал виденьем снеговым?...» [36]

«...Северная звездочка, остались

Ты да я, твой снеговик...» [20]

«...что же ты хочешь в награду — чур, только не мешкай с ответом —

Тайну моей белизны, оберег, снег зимою и летом?...» [21]

«...Спиртом горящим растаявший снег заливает мне уши...» [21]

«...Голубоватый лисий хвост
в снег заметают головешки
сгоревшего заката...» [59]

«...Искры брызгают, точь-в-точь на вкус как первый снег.
Только в детстве были мне такие откровенья...» [37]

Даже у нищего в Бомбее Суцкевер увидел снег:

«...Снег синий, праздный сеялся у нищего из глаз,
И улица синела, тиховейна...» [38]

А некоторые образы и внешне очень близки.

Например, у Суцкевера есть образ распустившихся снежных цветов;

«...В заспанном, засыпанном снегами
Хуторе, где я открыл Сибирь,
Тени распускаются цветами,
Ртутными цветами, вдаль и вширь...» [7]

И у Бунина есть нечто похожее:

«...На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стёклах — небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.
Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо,
Белым снегом всё запушено...» [39]

Или образ цветов на снегу:

"...Лап следы, что в страхе тварь ночная
Словно розы бросила на снег..." [8]

«...Три алые розы на первом снегу
У края лежат тротуара.
Их кто-то швырнул на ходу, на бегу.
Три искры ночного пожара...» [40]

4. Образ звёзд

Ещё одна тема, являющаяся сквозной в русской литературе, - тема человека и звезды.

«...Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...» [41]

«...Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?...» [42]

«...Серебряные звезды, я сердце вам отдам,
Но только вы скажите - вы что ночным цветам
Сюда сияньем льете, сияя вечно там?...» [43]

«...Бессонной ночью с шампанским чаши
Мы поднимали и пели тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
Сияли звезды.
«Вино шипело, вино играло.
Пылали взоры и были жарки.
"Идеи наши,- ты вдруг сказала,-

Как звезды - яркие!

Полились слезы, восторга слезы...

Минуты счастья! Я вижу вас ли?

Запело утро. Сверкнули грезы.

А звезды... гасли....» [44]

«...Пускай кипят, звенят, трепещут,

Грохочут гулко города;

Пусть время неумолчно плещет,-

Ты надо всем горишь, звезда!...» [45]

«...Взгляни на звезды: много звезд

В безмолвии ночном

Горит, блестит кругом луны

На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них

Милее всех одна!

За что же? Ранее встает,

Ярчей горит она? ...»[46]

«...Звезда полночная скатилась

И не оставила следа...

Окно бесшумно растворилось...

Прости, крылатая мечта!...» [47]

«...Звезды, розы и квадраты,

Стрелы северных сияний,

Тонки, круглы, полосаты,

Осеняли наши зданья...» [48]

«Колыхались звездные кочевья,

Мы не засыпали у костра.

Шумные, тяжелые деревья

Говорили с нами до утра.

Мне в ту ночь поэт седой и нищий

Небо распахнул над головой,

Точно сразу кто-то выбил днище

Топором из бочки вековой!

И в дыру обваливался космос,

Грузно опускался млечный мост,

Насмерть перепуганные сосны

Заблудились в суতোлке звезд.

- Вот они! Запомни их навеки!

То Господь бросает якоря!

Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпи,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был - ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.
За окном - круги фонарной ряби.
Браунинг направленный - у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик - сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало, комнату забили,
Вышли. Ночь уже была седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но все нервнее курим,
Реже спим и радуемся злей.
Это город тополей и тюрем,
Это город слез и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.
Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные таращ!
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся вором,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пес под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чащами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,

Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.
В небе смерть. И след ее запутан,
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен
С четырех сторон прожектора!
Но укрывшись тучею косматой,
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.
Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
Господи, услышим ли отбой?
Как мне их тогда недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!

Сколько раз я звал тебя на помощь, -
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.
Ну а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб,
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь.
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.» [49]

В этом стихотворении Ивана Елагина, которое здесь намеренно приведено целиком, мотивы и метрика совпадают с циклом «Сибирь», и в обоих присутствует погибший отец. Ощущение трагичности происходящего созвучно с трагическим периодом в жизни Суцкевера, когда он находился в гетто и каждую минуту ожидал гибели, своей или близких людей.

У Суцкевера образ звёзд тоже часто встречается, особенно много их в цикле «Сибирь».

«...Он не слышит. Падают в низину

Звезды. Он не видит, как потом

Сын вдруг превращается в лавину,

Удивленья и сиянья ком...» [33]

«...По степи, что спит в снегу медведем,

Сквозь мережи солнца, нежный звон

Снега под копытами — мы едем.

Льдышки палых звезд — со всех сторон...» [9]

«...Звезды распеваются над нами,

Звезды набухают на ветру,

И от звезд глаза полны слезами...» [9]

«...Звездочка, сорвавшаяся с нитки,

Поцелуем падает на лед...» [50]

«...Кружит лес до утренней росы,

Дали, словно колокол, качая,

Страхивая звезды на усы...» [51]

«...Северная звездочка, остались

Ты да я, твой снеговик. Моей

Стужи все соседи испугались,

Лишь березки зябнут у плетней.

Северная звездочка, родная,

Сколько ты впитала теплоты!...» [19]

«...А среди звезд, отсюда аж до северных широт,

Та звезда пребудет, что в слезинку упадет...» [52]

«...В его зрачках блестящих, черно-мраморных и влажных

«Мгновенье падает звездой» и русского поэта

Звездой желтой на мгновенье награждает...» [1]

Особое внимание стоит уделить стихотворению «unter dayne vayse shtern», которое впоследствии стало песней. В нем белые звезды являются отсылкой к божественному.

«unter dayne vayse shtern
shtrek tsu mir dayn vayse hant.
mayneverterzenentrern
viln ruen in dayn hant.

ze, es tunklt zeyer finkl
in mayn kelerdikn blik.
un ikh hob gornit keyn vinkl
zey tsu shenken dir tsurik.

Un ikh vil dokh, got getrayer,
dir fartroyen mayn farmeg.
vayl es mont in mir a fayer
un in fayer—mayne teg.

nor in kelern un lekher
veynt di merderishe ru.
loyf ikh hekher, iber dekher
un ikh zikh: vu bistu, vu?

nemen yogn mikh meshune
trep un hoyfn mit gevoy.
heng ikh—a geplatste strune
un ikh zing tsu dir azoy:

unter dayne vayse shtern
shtrek tsu mir dayn vayse hant.
mayne verter zenen trem
viln ruen in daynhant.» [73]

«Under Your white stars
Stretch to me Your white hand.

My words are tears,
That want to rest in Your hand.

See, their spark dims
Through my penetrating cellar eyes.
And I don't have a corner from which
To return them to You.

And yet I still want, dear God,
To confide in You all that I possess,
For in me rages a fire
And in the fire—my days.

But in cellars and in holes
The murderous quiet weeps.
I run higher, over rooftops
And I search: Where are You, where?

Something strange pursues me
Across stairs and yards with lament.
I hang—a ruptured string,
And I sing to You:

Under Your white stars
Stretch to me Your white hand.
My words are tears,
That want to rest in Your hand.» [73]

5. Восток

Тема Востока и южной экзотики в стихах русских поэтов перекликается со строками из Суцкевера.

К циклу «Песни из Негева» подошёл бы эпиграф из стихотворения «Прапамять» Н. Гумилёва.

«...И вот вся жизнь!

Круженье, пенье,

Моря, пустыни, города,

Мелькающее отраженье

Потерянного навсегда...» [53]

Вряд ли Суцкевер писал свои стихи под впечатлением этого поэта, но, возможно, на обоих оказывало одно и то же действие влияние русской культуры.

«...И каждый вечер кажется, что вскоре

Окончится терновник и волчцы,

Как в золотом Багдаде, как в Бассоре

Поднимутся узорные дворцы,

И Красное пылающее Море

Пред ним свои расстелет багрецы,

Волшебство синих и зеленых мелей...

И так идет неделя за неделей...» [54]

Если не знать, что эти строки из стихотворения Н. Гумилёва «Паломник», написанного в 1911 г., можно было бы подумать, что и они из цикла «Песен из Негева»

А «Олени у Красного» моря похожи на «Жирафа» Гумилёва

«...Закат не сдаётся, все тлея и тлея
На море, и входят, изысканно кротки,
В чертог водополя, невинно алея,
Олени — унять пересохшие глотки.
Бросают на берег шелковые тени,
Склоняют скрипичные длинные лица
И лижут прохладные кольца олени,
Чтоб так в тишине с тишиной обручиться.
Напились и — прочь. На песке остаются
Следы, розовея. И входят в печали
Олени заката, и пьют не напьются
Молчанием тех, что уже убежали...» [55]

«Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,

И шкуру его украшает волшебный узор,

С которым равняться осмелится только луна,

Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,

И бег его плавлен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля,

Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,

Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,

Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.

Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф. [56]

В цикле «Песни из Негева» часто можно увидеть пейзажи, описание природы, как и в других циклах А. Суцкевера, например в цикле «Сибирь». Но природа там совершенно разная. В «Сибири» основная тема - это зима, снег и мороз, широкие реки, лес.

В «Песнях из Негева» жар солнца, море, пересохшая земля.

Тема стихотворения «Олени у Красного моря» - тоже описание

природы и животных.

Сюжет - на исходе дня на водопой приходят олени.

Автор использует для описания картины литературную лексику.

Описания оленей напоминают, даже словами, описания жирафа в стихотворении Гумилёва

«...на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,

И шкуру его украшает волшебный узор...» [56]

« ...и входят, изысканно кротки,

В чертог водопоя, невинно алая,

Олени — унять пересохшие глотки.

Бросают на берег шелковые тени,

Склоняют скрипичные длинные лица...» [55]

Каждая строфа в стихотворении дополняет картину, полученную из предыдущих.

Стихотворение написано четырехстопным ямбом с перекрёстной рифмой.

В поэтической лексике используются олицетворения:

«Закат не сдаётся», «чертог водопоя», «пьют не напьются Молчанием», «с тишиной обручится»;

метафоры и эпитеты: «шелковые тени», «скрипичные длинные лица».

Заканчивается стихотворение сюрреалистическим приходом на смену

реальным оленям оленей заката, которые пьют молчание тех, что уже убежали.

Замедление времени в строках

«...На берегу красноморском сижу. Оду волны допели.

Тихо. Лишь солнце вращает египетский жернов без цели.

Дюны, жилище акрид, склад времен и хранилище праха.

Здесь проскитался народ сорок лет в бездорожье Танаха...» [21]

созвучно строкам О. Мандельштама

«...Золотистого меда струя из бутылки текла

Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:

— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,

Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни

Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.

Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.

Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь...» [57]

А в этих строках переплетаются падающие звёзды и вечность:

«...Из блещущей пряжи созвездий плетомы,

Сеть ночи ныряет с небесного ската,
Цепляет за острые скалы Эдома
И ловит их искры в заливе Эйлата.
Поймала, и кто-то ее выбирает,
Опять опустилась и черпает снова
В разломах Мидьяна и снова ныряет,
Теперь — на ловитву поэта и слова...
Вот-вот — и поймала. Со словом лечу я
В сети, что из пряжи созвездий плетомы,
Под нами молчанья снуют, слов не чуя,
Над — Красное море и скалы Эдома...» [58]

И в этих тоже:

«...И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.
- Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!

Чтоб земные горести, как выпи,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!...» [49]

Иногда, впрочем, с поправкой на перевод, есть даже точные совпадения.

Например:

«Был мой отец шестипалым.» в «Балладе о шестом пальце» [59] - то же начало, что в стихотворении «Дактили» [60] В. Ходасевича, где изображен жизненный путь его отца. («Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго, Бруни его обучал мягкою кистью водить...»)

Таким образом, возможно заметить соответствие традиционно русских образов и похожих мотивов в стихотворениях Аврома Суцкевера.

Глава 2. Влияние литературных течений

Авром Суцкевер относится к модернистам, и разные течения, существовавшие в русской поэзии в начале XX века, прослеживаются в его стихах. Согласно А. Белому, облик русской поэзии непрерывно меняется, что можно заметить при сравнении символизма, акмеизма, имажинизма и футуризма.

2.1. Влияние символизма

Кто из русских поэтов-символистов оказал влияние на творчество Суцкевера, сказать сложно, но во многих стихах определённо присутствуют характерные для символизма черты, такие как

утонченные образы, изящный, простой слог;

аллегии, подобию, аллюзии;

недосказанность, тайное значение.

В стихотворениях эпохи символизма основным аспектом являлась краткость, непродолжительность бытия, неведомая загадка, окутанная завесой мистики. Символистическим стихотворениям свойственна определенная эстетика без углубления в философский контекст.

В «Оде голубю» [21] мы слышим, как «гудят созвучия», и видим, как на прокорм идут «слабые блёстки силлаб».

«...Листик бумаги, ты памятник, вьет в тебе гнездышко птица,

Листик, в тебе, а не в мраморе, вечны приметы сновидца.

Там, где созвучья гудят, где разбухшею глиною — форма,

Слабые блёстки силлаб я ищу голубку для прокорма...» [21]

Иногда можно наблюдать вполне близкие аналогии стихам русских символистов.

Так, эти строки

«—Детства дитя, голубок, дай наречье губам, дай реченье,

Плачу созвучий внемли, чтобы сна не померкло свеченье.

Вдруг — поцелуй на губах. Кто я? Где я? Темницы вдруг сами

Вскрыли засовы, и нож искромсал немоту полосами.

Перлы, и перлы, и перлы, с таинственным шорохом моря

Градом срываются с губ: жемчуг страха, жемчужины горя...» [21]

созвучны К. Бальмонту

«...В впервые открыл в этой речи уклоны,

Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,

Я – играющий гром,

Я – прозрачный ручей,

Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,

Самоцветные камни земли самобытной,

Переключки лесные зеленого мая,

Все пойму, все возьму, у других отнимая...» [61]

Появляющаяся в нескольких местах танцовщица -

«...Кто ты, моя танцовщица, не дочь ли ты скрипки кленовой?

Ты, что станцуешь еще над моей черепушкой садовой,

Бродишь в бреду, лунатичка, в рубашке ночной серебристой,

Прочь убегаешь волной в перепляске миров леденистой...» [21]

сродни «незнакомке» и «прекрасной даме» Александра Блока.

В стихотворении «рыжевласые города»

«...Я зрел города из пламен мускулистых

(Географы их не видали доньше).

Творенья мелодий неистово-чистых,

Они самовольно явились в пустыне...» [62]

- непонятные постороннему человеку видения, так часто встречающиеся в стихах символистов, как, например, у уже упомянутого К. Бальмонта:

«Я мечтою ловил уходящие тени,

Уходящие тени погасавшего дня,

Я на башню всходил, и дрожали ступени,

И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,

Тем ясней рисовались очертания вдали...

И какие-то звуки вокруг раздавались,

Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,

Тем светлее сверкали выси дремлющих гор...

И сиянием прощальным как будто ласкали,

Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,

Уже ночь наступила для уснувшей Земли,

Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.» [63]

К символистическим можно отнести и стихотворение
«Терновник» [37], в котором есть и элегантные образы, и изящность слога:

«...Впившись в грудь гранитную, терновые кусты
Ночью в черном пламени горят и не сгорают,
Счет моим шагам они ведут из темноты
И меня на Гору вдоль тропинки провожают...» [37],

и иносказание:

«...В реку синюю смотрю с Горы. Там, в глубине,
Рыбы нет, лишь кости человечьи там клубятся.
Синяя нездешность, острова, которых нет,
Ищет их Вчера — никак ему не доискаться...» [37],

и семиотическое наполнение прозаичных слов:

«...Алфавит колючий, где, в какие дни, века

Я тебя узнал? Скажи, дорога далека ли?

Может, вправду, ангел мой забыл мне дать щелчка

Прежде чем на землю навсегда меня сослали?...» [37],

и таинственность:

«...Может, буквоцветы с раскаленного листа

Жадно припадают где-то там к первоистоку?

Не создать пунсонщику подобного шрифта,

Не сложить наборщику колючих литер в строку...» [37],

И общая недосказанность и скрытый смысл.

2.2. Влияние акмеизма

В качестве поэтического течения акмеизм возник в России.

Основоположниками его считаются Н. Гумилёв, С. Городецкий. Позже к ним присоединились О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Пяст, В. Зенкевич, М. Кузьмин и другие поэты.

В стихотворениях Суцкевера, особенно в цикле «Сибирь», прослеживаются такие черты акмеизма как:

умышленное старание дать слову конкретное, установленное, четкое значение;

реалистичные, материальные образы, выразительность элементов;

направленность на истинность человеческих чувств и на самую личность;

придание поэтической подоплеку для неизменных исходных эмоций.

Например:

«...Синий снег дороги, свет заката,
Сладостные краски полусна.
Снегом от заката скрыта хата,
Теплится в долине, чуть видна...» [7]

«...Хлеб он режет осторожно, словно
Хлебу причинить боится боль...
Долю мыслей получив бескровно,
Долю хлеба я макаю в соль...» [7]

«...Говорит отец: «Сынок, давай-ка
Съездим в лес, насобираем дров».
Мы лошадку запрягаем в сани
Сребрую. Слепит глаза топор...» [9]

«...В добрый путь, киргизы, в те пределы,
Где костры златят Иртыш ночной,
И его танцующие стрелы

С песней вы сплетаете простой,
Чтобы сон развеять, не скучая.
Тянете свой стон, как самогон,
И горбами старыми качая
В такт, верблюды слушают ваш стон,
Вашей желтой лихорадки бденье...
Чуть начнет лучинка-жизнь дрожать,
Песни вам я отдаю в ученье,
В семь ушей внимаю вам опять...» [63]

«...На глухом верблюде ты с размаху
Вновь ко мне подкачешь и рывком
Вверх меня подтянешь за рубаху,
И помчимся с ветром вечерком,
Чтоб скорее в наш тайник забраться
И застать ночных теней восход...» [36]

В других циклах тоже видим акмеистические стихи.

Выше уже приводились стихи одного из основателей акмеизма – Н. Гумилёва, созвучные строкам Аврома Суцкевера [55].

Когда, читая стихи Суцкевера, представляешь себе «мастерскую Первотворенья», огненную колесницу над горой Кармель, Наполеона и

чумных солдат в старом Яффо, пьяных матросов, «который век лежащих на дне у берегов Италии», и оживающий скелет Соломонова корабля в Эйлате и «рыжеволосые города» из «мускулистых пламен» приходят на ум строки О. Мандельштама:

«Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.» [72]

2.3. Влияние имажинизма

Имажинизм - еще одно возникшее в России литературное течение, основоположниками которого были поэты С. Есенин, В. Шершеневич, Р. Ивнев, А. Мариенгоф.

Для имажинизма характерны следующие признаки:

Образ – главная составляющая стихотворения, безоценочный, нехудожественный;

Творчество развивается при помощи метафор, сравнений и эпитетов;

Примитивный образ эволюционирует посредством метафор;

Стихотворение одинаково читаемо как с начала, так и с конца.

Ниже начало стихотворения «Принцип басни» В. Шершеневича

«...Закат запыхался. Загнанная лиса .

Луна выплывала воблою вяленой.

А у подъезда стоял рысак.

Лошадь как лошадь. Две белых подпалины.

И ноги уткнуты в стаканы копыт.

Губкою впитывало воздух ухо...» [65]

В текстах Суцкевера часто встречаются яркие образы и метафоры.

Традиционно много их в цикле «Сибирь»:

«...Джунгли на стекле растут стеною...» [7]

«...И прошит стеклянными стрелами,

Спит Иртыш, ворочаясь во сне...» [7]

«...Тсс! Отец играет, гравирюя

Воздух. Серебрянки звуков-слёз

Надо мной качаются, кочуя...» [7]

«...На листе алмазно-синем снежном

Ветром как пером пишу я вкось...» [8]

«...Степь — из гулко-светлого металла,

А деревья — будто сколки скал.

Снега степь наелась до отвала,

Солнца мех уже багряным стал.

На лицо морозец кистью острой

Будто на стекло, кладет мазок...» [38]

«...Солнце взапуски со мной, как лайка,

Кувырком бежит среди снегов...» [9]

«...Лес. Ветвей сверкающих качанья:

Волчий вой на них заиндевел.

Эхо раскаленного молчанья

Бьет в меня снопом горячих стрел...» [9]

«...Ночь костер среди леса раздувает,

И подлесок петухом кричит...» [51]

Есть яркие метафоры и в других циклах:

«...Потоки несутся со скал скакунами...» [66]

«...Когда, что солома, песок полыхает...» [67]

«...Из блещущей пряжи созвездий плетомы,

Сеть ночи ныряет с небесного ската...» [58]

«...И гребни волн срываются, взметая водный прах,
И рушатся стеной Иерихона...» [68]

А, например, стихотворение «Кости Иосифа» [69] можно одинаково читать и с начала и с конца.

2.4. Влияние футуризма

Футуризму присущи следующие признаки:

мятежность, сумбурность, беспорядочность мироощущения,
проявление и отражение народного мнения;

отказ от обычаев в сфере культуры, экспериментальное создание
искусства будущего; изменение в традиционных ритме, рифме, речи,
создание новых слов,

почитание техники; эпатаж.

Футуризм пришёл на русскую почву из Европы, и, пожалуй, среди остальных модернистских течений влияние его на стихи Суцкевера почти незаметно.

В текстах поэта нет ни пафоса, ни снобизма, ни культа техники, и почти ничего из описанного выше.

Возможно, какие-то признаки эгофутуризма, являющегося самоличным открытием поэта Игоря Северянина, можно сопоставить с некоторыми стихами, например «Последняя линия»:

«Темнеет. Последняя пра-, перво-линия,
Чиста, неподдельна, бежит в лихорадке,
И, то розовая, а то бледно-синяя,
Меня поучает, дрожа на сетчатке:
—Последняя — первая. В беге — покой мой.
И если б мой ритм не заполнил пустоты
В тебе, этой дрожи, исконной, искомой,
Найти бы не смог никогда, ни за что ты.
—Права ты, тебя восхвалять не устану,
Искрятся во мне от щедрот твоих крошки.
Но чуть только пылью мерцающей стану,
Куда унесут мою дрожь твои дрожки?» [70]

Особое место в футуризме занимают изобретенные слова, на что указывал Г.О. Винокур в работе «Футуристы – строители языка».

Неологизмы, если таковыми можно считать «пра-, перво-линию» [70], «скрипичную розу» [71], «силлабы» [21] и предложение Данте «махнуться гееннами» [21], «буквоцвет» [37] встречаются редко.

Нестандартный метр можно услышать в «Балладе о шестом пальце» [59].

По мнению Корнея Чуковского, многие из известных футуристов притворяются, фактически являясь модернистами, эгофутуризм – видоизмененное следование символизму.

Не все из стихотворений Суцкевера переведены на русский, однако можно попытаться проанализировать их и в английском варианте. На следующее стихотворение, возможно, также оказали влияние футуристы.

«How will you fill your goblet
On the day of liberation? And with what?
Are you prepared, in your joy, to endure
The dark keeing you have heard
Where skulls of days glitter
In a bottomless pit?

You will search for a key to fit
You jammed locks. You will bite
The sidewalks like bread,
Thinking: It used to be better.
And time will gnaw at you like a cricket
Caught in a fist.

Then your memory will resemble
And ancient buried town
And your estranged eyes will burrow down
Like a mole, a mole....» [74]

«Как вы заполните ваш кубок в день освобождения? И чем? Готовы ли вы в вашей радости вытерпеть темный смех, который вы слышали, когда черепа дней блестели в бездонной яме? Вы будете искать подходящий ключ для зажатых замков, вы будете кусать тротуары как хлеб, думая: «он был лучше», и время будет разрушать вас как бита сжатая в кулаке. Тогда ваша память напомнит и древний похороненный город, и ваши, ставшие чужими, глаза спрячутся вниз как крот». В данном стихотворении используется нестандартный ритм, необычные метафоры.

Заключение

В данной работе исследовалось творчество русских поэтов XIX-XX века, был проведен сравнительный анализ общих тем и мотивов в различных литературных течениях. Таким образом, была подтверждена гипотеза – русская поэзия, несомненно, оказала влияние на творчество Аврома Суцкевера.

- [1] О Пастернаке (Перевод И. Булатовского)
- [2] Колокольчик (Я. Полонский)
- [3] Колокольчик (А. Фет)
- [4] Зимняя дорога (А.С. Пушкин)
- [5] Вечный колокол (К. Случевский)
- [6] Наконец-то повеяла мне золотая свобода (Г. Иванов)
- [7] Хутор (Буквоцвет, Перевод И.Булатовского)
- [7.2] In khuter (AvromSutskever)
- [8] Колокольцами звенит-рыдает (Буквоцвет, Перевод И.Булатовского)
- [8.2] vi a shlitn in farbenktn klingen (Avrom Sutskever)
- [9] В сибирском лесу (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [10] Вади Джерафи (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [11] Береза (С. Есенин)
- [12] Печальная береза (А. Фет)
- [13] Из логова змиева (Н. Гумилев)
- [14] Саша (Н. Некрасов)
- [15] Мороз, Красный Нос (Н. Некрасов)
- [16] Снежная равнина, белая луна... (С. Есенин)
- [17] Отговорила роща золотая (С. Есенин)
- [18] Не жалею, не зову, не плачу (С. Есенин)
- [19] Сибирская весна (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [20] Северная звезда (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)

- [21] Ода голубю (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [22] На рассвете (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [23] Не бродить, не мять в кустах багряных ... (С. Есенин)
- [24] Небесный барабанщик (С. Есенин)
- [25] Автобиография (С. Есенин)
- [26] Снег идет (Б. Пастернак)
- [27] Снег (И. Анненский)
- [28] В снегах (И. Северянин)
- [29] За стеклом окна – стекло... (Софья Парнок)
- [30] Снежинка (К. Бальмонт)
- [31] Не о любви прошу, не о весне пою ... (Г. Иванов)
- [32] Мороз (И. Бунин)
- [33] Знакомство (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [34] Багряный мех (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [35] Снеговик (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [36] Мой друг Чангури (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [37] Терновник (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [38] Заключительный цикл (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [39] На окне, серебряном от инея... (И. Бунин)
- [40] Три алые розы (И. Николукин)
- [41] Выхожу один я на дорогу (М. Лермонтов)
- [42] Сириус (И. Бунин)

- [43] Серебряные звезды (К. Бальмонт)
- [44] Звезды (И. Северянин)
- [45] Звезде (В. Ходасевич)
- [46] Звезда (Е. Баратынский)
- [47] Звезда полночная скатилась (А. Блок)
- [48] Звезды, розы и квадраты (Н. Заболоцкий)
- [49] Звезды (И. Елагин)
- [50] Иртыш (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [51] У костра (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [52] Кто пребудет? Что пребудет? (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [53] Прапамять (Н. Гумилёв)
- [54] Паломник (Н. Гумилёв)
- [55] Олени у Красного моря (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [56] Жираф (Н. Гумилёв)
- [57] Золотистого меда струя из бутылки текла (О. Мандельштам)
- [58] Рас-Аль-Накиб (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [59] Баллада о шестом пальце (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [60] Дактили (В. Ходасевич)
- [61] Я – изысканность русской медлительной речи... (К. Бальмонт)
- [62] Рыжевласые города (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [63] Я мечтою ловил уходящие тени... (К. Бальмонт)
- [64] Киргизы (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)

- [65] Принцип басни (В. Шершеневич)
- [66] И не увидите дождя (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [67] Дерево в Хацеве (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [68] Гребни волн (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [69] Кости Иосифа (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [70] Последняя линия (Буквоцвет, Перевод И. Булатовского)
- [71] Скрипичная роза (Перевод Валерия Дымшица)
- [72] Может быть, это точка безумия, Может быть, это совесть твоя (О. Мандельштам)
- [73] unter dayne vayse shtern (Avrom Sutzkever)
- [74] How? (Avrom Sutzkever, Vilna Ghetto, February 14, 1943. Translated by Chana Bloch)
- [75] «Я верил, я думал...» (Н. Гумилев)

Библиография

Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. — М.: Республика, 1994. — 528 с. — (Мыслители XX в.)

Буквоцвет (избранные стихотворения и поэмы в переводе Игоря Булатовского). Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга, Центр «Петербургская иудаика». СПб., 2010. 88 с

В. Дымшиц. Авром Суцкевер // Лехаим март 2010 Адар 5770 – 3(215)

Г. О. Винокур. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 14—22, 263—271

Чуковский К. Собрание сочинений. Т. 6. - М., 1969. - С. 202-239

The Penguin Book of Modern Yiddish Verse